

ГЛАВА 13

«Ради вселенского братства людей радуюсь песней я смерти твоей»

Предлагаю приостановить разбор пушкинской речи Достоевского и перевести дыхание, поскольку слышу читательское негодование: «Неужели великого Достоевского, наше культурное достояние, нашу национальную гордость, нашего поборника православия батюшка намерен низвести в сословие книжников и фарисеев?»

Увы, брат читатель, вся светская литература без различия имён одного свойства. На каждой не имеющей благословения от Священноначалия книге можно ставить штамп: «осторожно: душевный яд». Пишут же нечто подобное на пачках сигарет. Правда, делают это, кривя душой. Вместо того, чтобы на каждой сигарете написать: «яд», пишут где-то сбоку пачки и мелким шрифтом: «курение вредит вашему здоровью». Вся светская литература вредит вашему здоровью, читатель. Однако яд литературы Достоевского можно назвать наиболее полезным. Советую вам не пробовать сотни других литературных ядов, но воспользоваться этим. Почему? Потому что в замыслах и превозношениях (ср.2Кор.10:6) Достоевского, прочитывается много больше, чем социализм в отдельно взятой стране, в них предлагается всемирное счастье.

Читая далее пушкинскую речь, мы то и дело будем наткаться на слова «всемирность», «всечеловечность», «всечеловек» и т.д. Но, чтобы не водить читателя вокруг этих слов кругами, а потом вдруг ошарашить его выводом, и чтобы не подтвердилась на мне пословица «долго запрягает, зато быстро ездит», хочу сразу же впрячь читательскую мысль в существо дела.

В «Дневнике писателя» за 1876 год есть глава «Утопическое понимание истории», и в ней слова: «Таким образом, через реформу Петра произошло расширение *прежней* (курсив автора, - Г.С.) же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что всё это ведет к окончательному единению человечества».

Здесь, пожалуй, всё и сказано. Реформа Петра - расширение московской идеи - для всеобщего примирения станем слугами - окончательное единение человечества. Теперь, читатель, держитесь крепче. Если это не программа антихриста, то, что это? Кто другой, если не антихрист, хочет окончательного единения человечества, чтобы окончательно подчинить его себе? Знал бы Достоевский, что он пророчествует, он бы ужаснулся.

Читая через столетие его восторженные слова о том, что «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком* (выделено автором, - Г.С.), если хотите», я мог бы показать Федору Михайловичу обращенную в пустыню русскую жизнь и спросить его: «Этого всечеловечества Вы желали русскому человеку? Такая жизнь Вам грезилась в Ваших литературных мечтах? Эта земля была при Вас цветущим крином, а нынче она превращена в пустыню с высящимися пирамидами городов-миллионеров, выращивающими в своих инкубаторах провозглашенных Вами «всечеловеков». Такого братства всех людей Вам хотелось?»

Но разве он сам этого не видит? Разве не доносятся ему скорбные вести с родной земли? Разве, слыша их, не обливается он слезами? Зачем же сыпать соль на раны? Зачем покоршунски терзать писателя, как прикованного Прометея? Но почему? Почему вместо православного вышло сперва социалистическое, а потом демократическое «братство»? (*) Потому что не в послушании Христовой церкви – хранительнице истины, но в своих литературных мечтаниях хотел видеть Достоевский правду. Потому и не разглядел, не смог разглядеть, кто скрывался за его «всечеловеком»? Кто примерял на себя маску «всемирной отзывчивости»? Кто? Советский человек. Впрочем, советский – это тоже маска.

(*) Российское общество стало сперва социалистическим, а потом демократическим в строгом соответствии с названием возглавившей его партии – РСДРП: российская социал-демократическая рабочая партия.

Русский человек советского пережил. Великой ценой! Переживёт ли грядущего «всечеловека»? Переживёт ли грядущего на смену советскому человеку всемирного богоборца и предателя – мирового Иуду? Нет, не переживёт, если не оставит литературных бредней и не обратится к матери Церкви, возраставшей и воспитавшей русского человека, но недоглядевшей и отдавшей его на коммунистическое растерзание великой русской литературе в угоду её горделивым замыслам.

Помните, читатель, мы говорили о вере Ф.М.Достоевского «в нашу русскую самостоятельность»? И имя самозванного пророка этой веры, Сергея Есенина прозвучало? Приходится вновь ставить его рядом с Достоевским по причине упомянутого последним мирового братства.

«Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей». («Иорданская голубица», 1918).

Чью смерть радостно поёт Есенин? Смерть отчавлившей Руси. Почему он называет её отчавлившей, если поёт ей смерть? Он спешит, потому что *время уже коротко* (1Кор.7:29). Он спешит оттолкнуть её от родных берегов и похоронить, отправить в вечное пагубное странствие:

«Лети, лети, не бойся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век».

Во-1-х, другого спасительного берега для отчавливших от святоотческих берегов уже не будет. А во-2-х, неужели не чувствовал далеко недюжинный поэт, что слово «канет» для радостных строк не годится? Ибо выражение «песня канет в век», значит, песня сгинет навсегда. Но, может, для Есенина это слово имело иной смысл, чем для справляющихся со словарём Ожегова: «Кануть – 1) упасть каплей (устар.); 2) Бесследно пропасть, исчезнуть. «Кануть в вечность или в прошлое» – исчезнуть навсегда. «Кануть в Лету» – бесследно исчезнуть из памяти людей (Лета – река забвения в греческой мифологии)»? Нет, именно такой смысл, как только что прочли мы у Ожегова, вкладывает в слово «канет» поэт, о чём говорит он сам:

«Рухнули гнёзда

Облачных риз
Ласточки-звёзды
Канули вниз»

Вот здесь слово «канет» стоит на своём месте, потому что оно завершает эту и предыдущую – главную строфу такого содержания:

«Друг... Ты откуда?»
«Шёл за Тобой...»
«Кто ты?» – «Иуда!» -

Шамкнул прибой». («Пришествие», 1917).

Что же выходит? О Руси и об Иуде одинаково просто: «канут»? Лети, Русь, не бойся, и канешь в век... Что это? Недопонимание или злая насмешка? Не будем вникать в этот вопрос, оставим. Время уже коротко, нам бы успеть с собой разобраться. (*)

«Крепкий и сильный
На гибель твою...»

На гибель свою, несчастный Сергей Александрович. Чуть было не написал: Александр Сергеевич, а написал бы – не ошибся.

«Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селениях будем,

Где протоптан Млечный Путь» («Иорданская голубица», 1918).

Вон Ваш брат, Сергей Александрович, из пенного прибоя, как блудная Афродита, выходит из написанной Вами в октябре 1917 года поэмы «Пришествие». Вот Вы с ним в ваши «благие селения» млечного пути идите, летите, скачите. А нас, пожалуйста, оставьте с Господом, Который никогда не обещал крестьянам «вселенского братства», никогда не говорил о единении человеческом. Напротив, откройте Евангелие и убедитесь, что всё оно говорит об обратном – о разделении всего: стран, народов, людей, семей, домов, даже самого человека мечом обоюдоострым – Словом Божиим.

(*) «Вот именно! - сказали автору читатели. - А зачем тогда взялись других копать?» Я никого не копаю, дорогой читатель. Я говорю очевидные вещи, и только душевная слепота или же шоры, неподъёмные, вековые, каменные, бронзовые, золотые, прелестные шоры на глазах читающих не дают видеть в стихах Есенина то, что сказано в них прямым текстом. Я не хочу никого копать, я хочу помочь почитающим поэзию Есенина христианам с собой разобраться, т.е. снять эти шоры. А с Есениным мне разбираться не за чем, пусть с ним Господь разбирается.

Истериически необходимое недоразумение

Живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякого меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет (Евр.4:12).

Чего мудрить и что утаивать от Бога? Кого нам ещё обманывать кроме самих себя? Сколько можно кривляться перед Ним и людьми? Действительно, всё тело в ранах, и бить уже не во что, как вопиет Пророк Исаия: *Во что вас бить еще, продолжающие свое*

упорство? *Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после разорения чужими* (Ис.1:5-7). А всё подавай имперское сознание, стремись к всемирности и всечеловечности...

«Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?» Вы это утверждаете или спрашиваете, Федор Михайлович? Если утверждаете, то знайте, что эти мысли надул Вам в уши гордый богомерзкий дух. А если спрашиваете, то знайте, что сила духа русской народности – во Христе Боге и Его Церкви, а не в стремлении к всемирности. Впрочем, если Вам жить без всемирности не в мочь, «ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится», то ведайте, что *еще быша людие Мои послушали Мене, Израиль еще бы в пути Моя ходих, ни о чесом же убо враги его смирил бых, и на оскорбляющие их возложил бых руку Мою* (Пс.80:14-15). «Ни о чесом», т.е. в ничто смиряет Господь врагов людей Своих, если только Его люди живут по Божиим заповедям. Вот и вся всемирность. И устраивается она Богом, а не людьми, потому как слова Псалтири есть Его, Божие слово, а не людские выдумки.

А ведь так и было в допетровской Руси, что мирная всемирность устраивалась и расширялась сама собой, т.е. по Божьему велению, вокруг жившего в Церкви русского народа. Но со времён Петра она стала устраиваться горделиво и самочинно теми оторванными от Церкви и от народа людьми, которые воодушевляясь самозванными пророками от литературы, устанавливали звезду «с надписью: "Господи, покажи нам пути твоя", т. е. господи, покажи нам дорогу в Турцию» (А.С.Пушкин. «История Петра»), и шли с этой звездой на все четыре стороны света. И стала наша русская всемирность иной – не христианской, но коммунистической.

«Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк».

Какой из Пушкина пророк, и что он угадал – мы уже говорили, повторяться не будем. Прикоснулся ли Пушкин к «силе народной»? Конечно, прикоснулся, и звание народного поэта у него никто не отнимет. Только вот беда: народ это не вполне русский, народ этот – оторван от корней. Вот что об этом народе говорит яркий его представитель В.Г. Белинский: «Итак, *народ*, или лучше сказать, масса народа, и *общество* пошли у нас врозь (после реформ Петра. – Г.С.). Первый остался при своей прежней, грубой и полудикой жизни и при своих заунывных песнях, в коих изливалась его душа и в горе и в радости; второе же, видимо, изменялось, если не улучшалось, забыло все русское, забыло даже *говорить русский язык*, забыло поэтические предания и вымыслы своей родины, эти прекрасные песни, полные глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкого, и создало себе литературу, которая была верным его зеркалом. («Литературные мечтания», 1834 г.; курсив везде Белинского. – Г.С.).

Не к тому народу и не к той силе, которая подаётся народу от Господа (*Аз приидох, да живот имут, и лишие имут* (Ин.10:10)), прикоснулся поэт Пушкин, а к той, таящейся в каждом народе и в каждом человеке силе, которая толкает его к самоуничтожению, и название которой – гордыня. «Великое грядущее назначение этой силы» – *огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф.25:41).

Итак, произнеся слова о народной силе и об её отгадчике Пушкине, Ф.М. Достоевский возвращается в своей речи к Петровской реформе, желая связать воедино народ, реформу и «пророка». (*) Делает же в действительности то, чего, будем верить, не хотел делать (**) – ступшевывает (***) исконную народную силу, т.е. веру в Бога, и навязывает иную веру,

придуманную, свою. В общем, чем начал, тем и заканчивает свою речь о Пушкине – новым русским (которое лучше назвать не русским, но российским) самосознанием.

(*) «Отношение к Петру и его реформам у Достоевского было неоднозначным, менялось», - сказали автору. Что он ответил? Достоевский, как и весь верхний слой дореволюционного российского общества жил и кормился реформами Петра. Поэтому ту перемену взглядов, о которой вы говорите, можно назвать литературной игрой. Тогда и только тогда можно говорить о серьёзной перемене отношений к чему-либо, когда человек меняет свою жизнь. Допустим, был язычником, стал христианином, был христианином на словах, стал таковым на деле. А перемена, о которой вы говорите, это – перемена отношения к отношению, т.е. всё та же литература.

(**) «Хотел как лучше, а вышло, как всегда». «Всегда» в этой поговорке начинается и кончается там, где дело делается без молитвы и без Божия благословения.

(***) Где-то в своих книгах Ф.М. Достоевский говорит, что слово «стусеваться» своим появлением в русском языке обязано именно ему.

«В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было, поглядим пристальнее. Да, очень может быть, что Петр первоначально только в этом смысле и начал производить ее, то есть в смысле ближайше утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а несомненно уже ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, - ощутив эту цель опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно».

Трудно понять, как можно, начав с усвоения европейских костюмов и беспощадного разрыва с живой народной традицией, закончить чем-то для народа полезным, даже ещё в высшей, чем ближайший утилитаризм, цели? Если для европейских костюмов и париков была затеяна реформа, значит, для них она и оказалась в итоге проведена, а весь утилитаризм и ближайший, и дальнейший оказался в еврокарманах (*). О чем, кстати, сам Ф.М., перебивая себя, пишет чуть ниже: «Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой?»

(*) Листая книгу «Дворянские роды, прославившие отечество», можно вдоволь налюбоваться дворянскими гербами, сплошь украшенными теми или иными масонскими знаками. Само же российское дворянство оказалось в итоге там, откуда пришла реформа – за рубежом.

Выходит, что двухвековое служение Европе это и есть та «несравненно более высшая цель, чем ближайший утилитаризм»? Мы правильно Вас поняли, Федор Михайлович? Выходит, в служении Европе заключалась цель петровской реформы? Так вот, полюбуйте, как Россия,

по Вашему слову, и в четвёртый век после петровской реформы служит кому угодно и чему угодно, только не Христу Богу и не себе. В Ваше время она служила Европе, после Вас – мировому пролетариату, Советскому Союзу, социалистической Европе, всемирному коммунизму... Некоторые говорят, что в 21-м веке она будет служить мировому Иуде. Да не будет!

«Ведь мы (кто эти «мы»)? говорите точнее: мы, оторванные от народа дворяне, - Г.С.) разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примерять (так в тексте, - Г.С.) различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода».

Куда опять нас с Вами понесло, почтеннейший Федор Михайлович? Какая пурга порошит нам глаза и уши? Что значит «различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия»? «Снимать противоречия» между чем? Между правой и неправой верой? «Извинять и примирять» что? Отступления от Православия? Надеюсь, Вы не это хотите сказать?

В тексте, которым я пользуюсь, опечатка: «примерять различия». Впрочем, после призывов Достоевского к воплощению в гении других наций, я уже не удивлюсь и слову «примерять». Примеряют же еврокостюмы, почему бы не примерить на себя чужой дух, как примерял их Пушкин? То, что Ф.М. называет «всечеловечностью», говоря, что «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность», есть, в действительности, обыкновенная театральная игра. Ибо невозможно человеку оставаться самим собой, примеряя на себя чужие характеры, не говорю уже о чужих национальностях. Можно ли вообразить русского крестьянина, который стал бы «перевоплощаться»? Он почёл бы ниже своего достоинства быть кем-то иным, а не самим собой. Только оторванный от земли барин мог находить удовольствие и даже честь в лицедействе, т.е. попеременной смене то трагических, то комических масок.

«Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей».

Исторически необходимое недоразумение – эту фразу Достоевского надо запомнить. Мне тоже кажется, что всё, о чём мы тут говорим: петровская реформа, пушкинский маскарад, клики Достоевского, советчина, всё это – исторически, или, если хотите, истерически необходимое недоразумение. Если оно будет покаянно пережито крестьянами, то из него выйдет великая душевная польза и долгая счастливая жизнь. А если нет? Если нет, тогда недоразумение вырастет в неразумие и обратится в погибель.

«Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения лишь наших политиков это происходило. О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии,

я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

Браво! Я в неописуемом восторге. Как вспоминают очевидцы, речь Ф.М. Достоевского произвела настоящий фурор. По бороатым и наголо выбритым щекам текли счастливые слёзы. Все обнимались и целовали друг друга... Но, господа, чему вы радуетесь? Завтра убьют вашего царя.

Менее чем через год после произнесения этой речи в Обществе любителей российской словесности, а именно 1 марта 1881 года был убит от брошенной злодеем бомбы русский самодержец и император Александр II Николаевич.

1/14 марта Церковь празднует день памяти преподобномученицы Евдокии. По народным приметам: если на Евдокию ясно — год прекрасный, если пасмурно — год плохой. Примета подтвердилась не на год – на век. Весь следующий век в России рвались бомбы, и на алтарь «братского окончательного согласия всех племен» потоками полилась людская кровь.

Меч обоюдоострый

Вникнем в эту обворожительную фразу Ф.М. Достоевского: «И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

Слова «евангельский закон» были произнесены, значит, откроем Евангельский Закон. Потребовавший суда кесаря, к кесарю и отправится (ср. Деян.25:12). Что ж, спросим Федора Михайловича по Евангельскому Закону: знает ли он его? Тем более, что имеем на такой экзамен полное право, т.к. пару лет по благословению архиерея преподавали Закон Божий в среднем учебном заведении.

Итак, скажем сразу чётко и громко. Закон Христов не только не обещает объединить все племена братскою любовью, но призван разделить овец от козлищ. Чтобы убедиться в этом, давайте благоговейно и не спеша просмотрим одно только Евангелие от Матфея.

...лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым (Мф.3:12). Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь (Мф.7:19). И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие (Мф.7:23). Предаст же брат брата на смерть, и отец - сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их (Мф.10:21). Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч (Мф.10:34). ...ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее (Мф.10:35). Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных (Мф.13:49). Он же сказал в ответ: всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится (Мф.15:13). ...ибо много званых, а мало избранных (Мф.22:14). ...ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и

землетрясения по местам (Мф.24:7). ...тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляет; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляет (Мф.24:40,41). ...после приходят и прочие девы, и говорят: Господи! Господи! отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас (Мф.25:11,12). ...ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет (Мф.25:29). ...и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов (Мф.25:32).

Из всех примеров Евангелия от Матфея, говорящих о всеобщем разделении, взяты наиболее яркие. Но, может, в Евангелии от Иоанна говорится о единении человечества во «всечеловечество»? ...да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, - да уверует мир, что Ты послал Меня (Ин.17:21). Однако в этих словах отнюдь не подразумевается человечество, т.к. в них Господь молится о Своих учениках: Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои (Ин.17:9). И добавляет: Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их (Ин.17:20).

Или, может быть, здесь читается мысль о единении человечества? Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино (Ин.11:51-52)? К этим стихам мы, даст Бог, ещё обратимся с должным вниманием, но и в них говорится о собирании воедино не всего человечества, а только *рассеянных чад Божиих*.

Конечно, христиане призваны на дело созидания Тела Христова, *доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия* (Еф.4:12,13). Но единение верующих во Христе Иисусе и единение человечества – это совершенно разные, противоположные темы. Как же Федор Михайлович мог их перепутать? Да вот так и перепутал, что Евангелие читал невнимательно, в церковь ходил нерегулярно, в законе Божьем поучался неусердно. Потому и не знает, что живое, а не книжное свидетельство о Христе всегда – гонимо. Более того, такое гонение – необходимо. Не будет гонения, не будет свидетельства о Христе. Но не того книжного свидетельства, говорящего, что все веры хороши, а христианство в их числе, и что истин множество – выбирай любую; но того свидетельства, которое *даже до смерти* (Откр.12:11) готово утверждать, что истина – одна, и вся она – в Православии.

Гонение необходимо для свидетельства. Причём, если в Евангелии от Луки сказано, что свидетельство о Христе нужно для гонимых: *ведомы к царем и владыкам, имене Моего ради. Прилучится же вам во свидетельство* (Лк.21:12,13), то Евангелист Марк говорит, что такое свидетельство нужно для гонителей: *пред цари и воеводы ведени будете Мене ради во свидетельство им* (Мк.13:9). Мученичество за Христа необходимо как для оправдания мучеников, так и для справедливого наказания мучителей, т.е. для всё того же разделения мира, а не для соединения «с братской любовью всех наших братьев».

Неужели Ф.М. думает, что если кто праведно будет жить во Христе, ему тотчас начнут аплодировать и, как Пушкина, на пьедестал возведут или орденом наградят? Его прогонят или убьют. (*) *Аще Мене изгнаша, и вас изженут* (Ин.15:20). А если не прогонят и не убьют, то будут злословить и клеветать за то, что вы не участвуете с ними в том же распутстве (1Пет.4:4), потому что *все хотящие благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут* (2Тим.3:12). (**)

(*) Могут сказать: вот Пушкина и убили. В ответ могу привести выдержку из романа Б.Садовского «Пшеница и плевелы».

«Погиб поэт, невольник чести, / Пал, оклеветанный молвой». Это Пушкин-то невольник чести? Похоже. Жалкий раб великосветских предрассудков, невольник этой самой, якобы оклеветавшей его, молвы. Да разве настоящий поэт клеветы побоится? Никакой клеветы и нет: были анонимные пасквили, место которым в помойной яме.

«Не вынесла душа поэта / Позора мелочных обид». Хорош поэт: взбесился от булавочных уколов. Сам оскорблял людей направо и налево, а тут дурацкого пасквиля не снес.

«Восстал он против мнений света / Один, как прежде...» Ни прежде, ни после, ни один, ни в компании Пушкин против светских мнений не восставал. И липнул к бомонду всю жизнь, точно муха к меду.

«Не вы ль сперва так долго гнали/ Его свободный, чудный дар...» Да кто его гнал, помилуйте? Ни один поэт не получал такого общего признания.

«Зачем от мирных нег и дружбы простодушной / Вступил он в этот свет...» Вот уж подлинно: зачем? И кто, кроме беса, мог толкнуть Пушкина в этот мелкий искусственный мирок? А ведь он был человек обеспеченный, молодой, здоровый. Мог поселиться у себя в деревне и творить на досуге; конечно, и за границу бы его отпустили. Жена мешает? оставь ее, оставь все на свете; беги с котомкой, куда глаза глядят.

А уж в конце прямая ахинея: «...Надменные потомки... ..Известной подлостью прославленных отцов... Жадную толпой стоящие у трона / Свободы, гения и славы палачи...» Что за потомки подлецов, какие палачи? Ведь русский Государь самодержавен: у трона его не стоит никто. Тогда выходит, что поэта погубил царь. Вам смешно, и я смеюсь; да что говорить: такой подлой глупости даже во сне не придумаешь».

(**) Этот и другие стихи данного Послания читаются, кстати сказать, в Неделю мытаря и фарисея.

Читал ли Ф.М. о том, что не мир Христос принёс на землю, но меч? Читал ли о болезнях и скорбях, ожидающих верующих? *В мире скорбни будете*, - говорит Господь Своим ученикам (Ин.16:33). Читал ли о войнах, предвещающих кончину мира? *Егда же услышите брани и нестроения, не убойтесь: подобает бо сим быти прежде: но не у абие кончина* (Лк.21:9). *Восстанет бо язык на язык, и царство на царство /.../ начало болезнем сия* (Мк.13:8). Эти болезни Апостол Павел сравнивает с муками *во чреве имущей* (1Фесс.5:3), т.е. говорит так, словно Божий мир мучится родовыми схватками и готовится к рождению *нового неба и новой земли, на которых обитает правда* (2Петр.3:13). Читал ли, что Христос разделяет не народы только, но и родных людей? *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф.10:37). Всё это вопросы – риторические, т.е. заключающие ответ в самих себе. Но вот вопрос, требующий ответа: зачем нужно это разделение? Что лежит в его основе?

Перечитайте вышеприведённые слова Мф.10:37. Любовь Божия – основа разделения. Любовью Божией, как мечом, будет рассечён мир в последний миг своего последнего седьмого Дня на две части: достойную и недостойную Христа.

Кто же тогда выдумывает всеобщее единение? Кто сеет эти несбыточные мечты об общей гармонии и братском согласии всех племён «по Христову евангельскому закону»? Противник Божий и клеветник. Это он на Евангельский закон клеветает, извращая понятие любви. Это он придумывает соблазнительные «свободу, равенство, братство», толкуя их по-своему, а не по-Божьему. Это он своим нечеловеческим упорством собирает всё человечество воедино, чтобы разом опрокинуть его в бездну. Это он противится и оттачивает, упрямится и острит, упирается и шлифует до бритвенной остроты, до огненного блеска меч Божией

Любви. Т.е. потому самому, что противится, потому и отделяет себя и всех тех, кто за ним последовал, от Бога окончательно и навечно.

Тайна беззакония

Итак, о единении человечества нет свидетельств в Евангельском Законе. Более того, по слову Апостола Павла, *когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут* (1Фесс.5:3). Т.е. тогда именно настигнет мир гибель, когда случится «братское окончательное согласие всех племён», чего Вы нам и желаете, дорогой Федор Михайлович.

«Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал. Этому надлежало быть высказанным, но особенно теперь, в минуту торжества нашего, в минуту чествования нашего великого гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего».

Воплощать идею – пророчески сказано. Спустя полвека советский человек, как приговорённый (не Вашим ли, Федор Михайлович, приговором?), будет воплощать эту идею уже не в художественной, но во всей своей телесной и душевной силе, не щадя себя, надрываясь, жертвуя этой идее жизнью, чтобы... оказаться у разбитого корыта.

«Да и высказывалась уже эта мысль не раз, я ничуть не новое говорю. (Конечно, ничего нового: «либерте, эгалите, фратэрните». (*) Так, кажется, звучит эта мысль по-французски? - Г.С.). Главное, все это покажется самонадеянным: «Это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово?» Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории (какой именно? - Г.С.), в наших даровитых людях (каких именно? - Г.С.), художественном гении Пушкина (а, теперь понятно, - Г.С.). Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил благословляя Христос». Почему же нам не вместить последнего слова его? (Какого «последнего слова Его»? Которое Вы сами только что сочинили? - Г.С.). Да и сам он не в яслях ли родился?»

Последнее слово Христово, т.е. Евангелие мы внимательно прочли, и ничего не нашли о придуманном Вами «всечеловечески-братском единении». Зато в Евангелии есть слово проклятия всем хотящим *превратить благовествование Христово, а именно, что если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал.1:7,8). И надо сказать, Федор Михайлович, что даже в кратком Вашем упоминании о яслях просматривается такое именно превращение, т.е. извращение Христова благовествования. Во-1-х, Он в яслях не родился, но был положен в ясли по рождении Своём (см.Лк.2:7). А во-2-х, и это главное, Господь восхотел быть положенным в яслях не для того, чтобы христиане хвалились превосходящим разумение Господним самоуничижением, но чтобы показать всем людям пример смирения. У Вас же всё наоборот: служащая к смирению нищета становится основанием для тщеславия. Раз наша земля нищая, говорите Вы, значит, она достойна принять возлегшего в яслях Бога и тем самым прославиться.

Сопоставим эти слова Достоевского, что нищета способствует славе (конечно, не меча или науки, но славе «всечеловечески-братского единения»), со словами Апостола Павла: *Кто учит иному и не следует здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения;*

пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка. Удаляйся от таких (1Тим.6:3-5). Собственно, ради последней мысли о прибытке, который может приносить благочестие, приведена эта большая выдержка из Апостола, но и всё другое, сказанное Апостолом, нам полезно послушать. Говоря о прибытке, Апостол имеет в виду прибыток материальный, но ведь прибыток может быть и душевным, как, например, прибыток, питающий страсть тщеславия. Разве не о таком прибытке, приносимом благочестивой нищетой, мечтает Ф.М., говоря, что «сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено» высказать новое слово о братстве людей?

Сопоставим также слова Достоевского со словами Святителя Иоанна Златоуста из молитвы ко Святому Причащению: «Господи Боже мой /.../ якоже восприял еси в вертепе и в яслех безсловесных возлещи: *сице* восприими и в яслех безсловесных (***) *моея* души и во оскверненное мое тело *внити*». Златоуст для того и вспоминает о яслях Господа, чтобы не так страшно было просить Его возлечь в яслях своей собственной неразумной души. Иначе говоря, поскольку Господь не возгнушался безсловесными скотскими яслями, то Златоуст надеется, что Он не возгнушается яслями его души. А у Достоевского что? Раз Господь родился в яслях, значит, нищая земля для Него самая подходящая. Так вывернуть смирение Христово! Это надо суметь.

(*) Фр.: свобода, равенство, братство. Сей девиз родился за многие столетия до французской революции в недрах тайного общества франкмасонов.

(**) «Безсловесная» в оригинале: «алогос». Это слово имеет также значение: «неразумная».

Причём, Златоуст именно молит Господа войти в клеть своей души и тела. А Достоевский, даже не спросясь Господа, определяет и постановляет вместиться «последнему Его слову» в нищей земле. Да никакая она не нищая, наша русская земля. Но если даже нищета, служащая ко смирению, стала для фарисея поводом пагубного превозношения, то, что было бы при богатстве? Впрочем, мы знаем, что было при богатстве из истории продолжателя петровских реформ – СССР. Богатство его пошло ему в погибель.

«Повторяю: по крайней мере мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть по крайней мере на чем этой фантазии основаться».

Вот мы и договорились! Вот мы и дошли до ручки, почтеннейший Федор Михайлович. Вникните в свои слова: «Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть по крайней мере на чем этой фантазии основаться». Фантазия останется фантазией, на каком бы фантазёре она не основывалась, и из чьей бы головы она не вышла. Или Вы хотите сказать, что можно сотворить из сказки былль, если провозгласить сказочника Пушкина новоявленным пророком? Так вот зачем Вам понадобилось творить из Пушкина пророка? Затем, чтобы на нём основывать свои фантазии.

«Если бы жил он дольше, может быть явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разьяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще

смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

На этом речь Достоевского заканчивается. Пушкин унёс с собой не тайну, но перчатку, вложенную в его гроб по масонскому обычаю Вяземским (*). А тайну? Непонятно, какую «некоторую великую тайну» хочет скрыть в пушкинском гробе Достоевский? Ту тайну, которую он сам только что раскрыл?

Великие мастера эти великие писатели делать тайны из ничего. Впрочем, делается это просто. Сперва нужно провозгласить нечто тайной, а потом «разгадать» её так, как самому отгадчику хочется. Данный приём Достоевского напоминает трюк Фрейда, объявившего «бессознательным» то, что стало «осознанно» именно им, Фрейдом. Такого рода загадки-отгадки лучше назвать вождением за нос простодушных читателей, нежели «пушкинской тайной» или «областью бессознательного».

Но, может, неверие Пушкина во Христа Бога – тайна? Вот это, действительно, тайна. И она должна оставаться недоступной для нас до скончания века, аминь. Вопрос веры это главный вопрос в жизни каждого человека, это вопрос его вечного спасения и вечной гибели. Кому кроме Бога его решать?

Говоря о поэте Есенине в 7-ой главе, мы остереглись переступить эту черту, отделяющую Божие от человеческого, сравнив её с чертой, проведённой вокруг Синая: *и проведи для народа черту со всех сторон и скажи: берегитесь восходить на гору и прикасаться к подошве её; всякий, кто прикоснется к горе, предан будет смерти* (Исх.19:12). Также и в разговоре о поэте Пушкине остановимся перед этой чертой в трепете. Что ждёт его? Что встретит нас, когда мы переступим её, разлучённые по воле Божией, с нашими телами, а потом вновь соединённые с ними для вечной жизни? Помолимся, читатель, о рабе Божиим Александре. Я много нелицеприятного сказал о нём, впрочем, не о нём, но о поэте Пушкине. Я не сужу раба Божия, я сужу поэта, а также те мнения, что выросли вокруг его творчества непроходимыми лесами предрассудков и небылиц. Эти мнения до того плотной стеной высятся вокруг, что все, будто по команде, будто загипнотизированные, твердят: поэт Пушкин – верный христианин. И попробуй кто возразить, вся «русская» культура ополчится на инакомыслящего.

Пусть ополчается. Не страшно. Потому что эта культура давно перестала быть русской. Культура, которая провозглашает поэта Пушкина своим пророком и учителем, не может быть русской. Почему? Да потому что подлинная русская культура вся выросла из Церкви и церковного богослужения. Русская культура это культура возделывания Древа послушания – Креста. Пушкинской же культуре лучше называться российской, а ещё лучше потешной (**) культурой, и не присваивать себе имени русской. Иначе выходит путаница и ложь.

(*) Исторический факт: во время прощания с убитым Вяземский снял с руки и положил в гроб Пушкина белую перчатку. Этот традиционный масонский обряд означает, что «братья» не расстанутся и после смерти.

(**) О значении слова «потешный» в допетровскую эпоху можно прочесть у историка Забелина. «Книги с картинками исторического содержания назывались царственными, потому что излагали историю царств. Все другие предметы, изображенные в картинках светского содержания, носили имя потешных, увеселительных, служивших для забавы, ибо назидательным, учительным в собственном смысле почиталось одно только Священное

Писание и вообще книги церковно-учительные. Поэтому и все эстампы, гравюры, привозимые с Запада, также носили название потешных, фряжских и немецких листов». И.Е.Забелин. Домашняя жизнь русских царей. Глава «Книжное учение царевича Петра».

Тайна личной веры – опасная для человеческих рассуждений область и не нашего ума дело. Если же кого интересует тайна пушкинского творчества, то скажем, что эта тайна – соблазн. «В Пушкине, как в золоченом орехе, кроется яд невероятной разрушительной силы; у церковных людей этот яд называется соблазном».

Всё-таки: яд или соблазн? Надо бы уточнить поэтическое определение Б.Садовского. Яд не может быть соблазном, потому что яд есть яд. Тогда как соблазн может быть даже полезен для человека, поскольку может послужить к укреплению его души в добродетели, если, конечно, будет вовремя преодолен. Короче, действие соблазна зависит от соблазняемого. Поэтому нельзя сказать, что в Пушкине кроется яд. Лучше сказать, что в нем кроется соблазн невероятной силы. Разрушительной или укрепляющей силы? Это уже зависит от человека, соприкоснувшегося с соблазном пушкинского гения.

Говоря общо, соблазн это – влекущая ко греху сила, которая, если не преодолевается покаянием, приводит к гибели, а именно, к смерти второй. *Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая* (Откр.21:8). Соблазн ощущается человеком как опасная для его жизни сила, но она влечёт к себе. Вот великая загадка и непостижимая тайна. Непонятно, почему здоровое и разумное существо избирает себе смерть вместо жизни.

Во Второзаконии есть такие стихи: *Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. [Если будешь слушать заповеди Господа Бога твоего,] которые заповедую тебе сегодня, любить Господа Бога твоего, ходить по [всем] путям Его и исполнять заповеди Его и постановления Его и законы Его, то будешь жить и размножишься, и благословит тебя Господь Бог твой на земле, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею; если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, и станешь поклоняться иным богам и будешь служить им, то я возвещаю вам сегодня, что вы погибнете и не пробудете долго на земле, [которую Господь Бог дает тебе,] для овладения которою ты переходил Иордан. Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих, чтобы пребывать тебе на земле, которую Господь [Бог] с клятвою обещал отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову дать им* (Втор.30:15-20).

«Избери жизнь», - говорит Пророк, но человек выбирает смерть. Избери благословение, но народ выбирает проклятие. Как же можно выбрать смерть и проклятие? Однако их выбирали и выбирают, и смерть ширится в мире. И эту непостижимую тайну смерти, тайну греха Апостол Павел называет тайной беззакония, говоря, *ибо тайна беззакония уже в действии* (2Фесс.2:7).

Скажу вещь странную, а именно, что Господь наш Иисус Христос Своим пришествием на землю не замедлил, но ускорил действие этой тайны. Впрочем, я не правильно выразился. Ускорил или замедлил – этого мы не можем знать, поскольку мы не знаем Божьего времени. Просто воплотившийся Бог открыл Себя до предела. Значит, иных, лучших и больших откровений быть уже не может. Ждать больше нечего. Всё совершилось.

Я не думаю, чтобы Ф.М.Достоевский лгал сознательно, когда писал свою Пушкинскую речь, и потешное провозглашал пророческим. Он приукрашивал, он фантазировал, он художественно мечтал, но тайна лжи действовала в его словах помимо него. Впрочем, на то она и тайна, чтобы скрываться. Тайна лжи и есть тайна беззакония, действующая в человеке помимо человека. Эта тайна скрывается не где-то за человеком, не в чьих-то замыслах и планах, она – внутри каждого из нас.

Запретный плод сладок... невкушением

Предлагаю читателю несколько отступить от литературы и подумать над вопросами кажущимися от неё далёкими – о причинах и целях случающихся с нами искушений. Это нам нужно для того, чтобы понять цель искушения, попускаемого нам Богом и называемого литературой. Начнём наш разговор по русской поговорке – от Адама.

Всякое искушение попускается Богом. Это изречение широко известно в узких церковных кругах. Но как поставить рядом с ним Апостольские слова: *В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью* (Иак.1:13,14)? Это первый вопрос, и второй: почему мы просим в молитве Господней: и не введи нас во искушение, если, по слову Апостола, *Бог не искушается злом и Сам не искушает никого?*

«Бог не искушает», - говорит Апостол. «Бог попускает искушение», - говорит церковная мудрость. «Бог может ввести в искушение», - такой вывод следует из молитвы Господней. Что же общего между этими утверждениями, и какое из них главное?

Дорогой читатель, если долго думать над этим вопросом, то можно додуматься до того, что, насадив среди рая древо познания добра и зла, Бог заставил наших прародителей согрешить. Не было бы запретного древа – не было бы искушения. Не было бы искушения – не было бы и греха. Значит, установив запрет, Бог толкнул Адама на преступление. Так? Прочь, лукавые мысли. Запрет был дан Адаму только для того, чтобы он смог познать себя: кто я есть? Облако ли, носимое по райскому саду капризными желаниями? Или созданный по Образу Божию человек, самодержавно собой управляющий? Но силой, которая бы ограничивала Адама, и которую он должен был в себе развить, должна была стать любовь. Не страх и не запрет, но любовь, в которую должен был перерасти запрет. Любовь должна была сдерживать Адама от вкушения плодов древа познания и во всей его дальнейшей жизни в раю.

«Интересно, сколько бы времени перерастал у Адама в любовь этот запрет?»

У Адама была в запасе вечность. Куда ему было спешить? Мы не знаем, как бы развивались взаимоотношения Бога и Адама, не будь последний изгнан из рая. Может, запрет снимался бы Богом постепенно? Может, Адам богател бы в Бога (ср.Лк.12:22) без конца? Мы ничего этого не знаем, и не будем гадать. Но, неся послушание – «не вкушать», Адам, несомненно, постигал бы вкус добра и зла, даже не прикасаясь к плодам запретного древа. Повинуясь Богу, он через всё возрастающую любовь к Нему, научался бы различать добро и зло уже законно, а не через преступление. Всё более приобщаясь Богу, Адам всё более пристращался бы (употребим здесь даже это слово) к добру, и всё более отвращался бы зла, не терпя и пылинки зла в своей душе. Таким образом, безо всякого вкушения, через одно только всецелое послушание Богу, Адам познал бы добро и зло. И тогда, для взрослого в

Божией любви Адама, все запреты были бы сняты. Вернее сказать, их попросту не было бы, потому как даже имевшийся запрет понимался бы Адамом как свобода.

«Ну, это какая-то философия», - возможно, скажет читатель.

Эти слова и для меня остаются философией. Просто мы, уж я-то точно не понимаю их, вернее, могу понять только умом. Но, может, кто другой настолько возрос в послушании, что даже самый запрет воспринимает не как запрет, но как сладостный урок укрепления в Божией любви и свободе? Во всяком случае, Господь не стал бы давать философских, т.е. отвлечённых заповедей, и раз Он дал заповедь: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф.5:48), значит, она выполнима, и Господь ждёт от нас Божия совершенства. А для Бога какие могут быть запреты?

«Бог не может не быть Богом и оставить Своё состояние – вот вам и запрет».

Но ведь это и есть Крест. Божие состояние это вечное пребывание на Кресте! Когда бы Адам достиг Божия совершенства? Не нам знать. Вечность была у Адама, он её потерял, и нам, его потомкам, остался только жалкий осколок вечности, краткий миг, называемый жизнью, чтобы успеть хоть сколько-то приобщиться Божией любви и возрасти в ней в свою меру. Зато из Священного Писания мы знаем, как Адам мог достичь состояния обожения – через исполнение заповеди. Т.е. не вкушая плодов от древа познания добра и зла, Адам узнал бы всё, только уже совершенно иначе – через любовь, а не через преступление, через распятие, а не в обход его. Тогда бы и произошло то, о чём говорит Апостол Павел потомкам Адама: *чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта, и долготы, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею* (Еф.3:18).

В совершенной любви все запреты сняты... любовью. Не свободой, не вседозволенностью, не равенством и братством, и не исполнением всех желаний, но именно любовью. Иначе говоря, для пребывающего в любви запрет перестаёт быть манящим искушением, но наполняется счастьем (*) послушания, которое растёт в любящем по мере исполнения запрета. Не понятно?

(*) Слово «счастье» само за себя говорит о своём значении, подобно другим нашим умным словам: «с(о)-пасение», «со-весть». Счастье, значит, единение в общей части.

Я и сам этого не понимаю. Могу лишь процитировать слова Апостола Иоанна Богослова: *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви* (1Ин.4:18). Эти слова, вовсе не говорят о том, что в совершенной любви царит полное бесстрашие, и всё позволено. Эти слова, как мне кажется, значат, что самое наказание в совершенной любви перестаёт быть наказанием, и потому всякий страх исчезает. Как такое может быть? По послушанию. *Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он* (1Ин.4:17). Состояние совершенной любви, в котором нет страха наказания (но есть страх удаления от Любимого) даже когда случается наказание, может быть достигнуто тогда, когда мы поступаем в мире сем, как Он. А Он как поступает? Как послушный Сын Своего Отца.

Итак, в совершенной любви все запреты сняты любовью, и человек исполняется полнотою Божества, и постигает со всеми святыми, что широта, и долготы, и глубина, и

высота, т.е. достигает уразумения всего. Иными словами, не преступая запрета, но послушно выполняя его, человек законным путём узнаёт сладостный вкус добродетели и горечь порока, даже не вкушая последнего.

Широта, и долготы, и глубина, и высота. Что это? Это – Крест, единственный законный путь к уразумению добра и зла. Но что такое Крест? Это и есть запрет. Запрет – единственный путь возрастания в любви, и это надо подчеркнуть. Только через Крест обретается пажить вечной жизни. *Аз есмь дверь: Мною аще кто внидет, спасется: и внидет и изыдет и пажить обрящет* (Ин.10:9). Крест это – распростертие Христовых рук, собирающих воедино Своё стадо. Крест это – разведение Христовых рук, запрещающих проход. Как же можно пройти запретной дверью? Алогия, т.е. безсловесие и неразумие настигает всех, кто желал бы умом, а не жизнью понять, что есть *широта, и долготы, и глубина, и высота*. Потому что для достижения совершенной любви нужны не слова и даже не поступки, подобные поступкам Христа, как об этом неточно говорится в русском переводе слов Иоанна Богослова: *поступаем в мире сем, как Он*, нужно одинаковое с Ним существование, как более точно говорит об этом церковно-славянский перевод: *О сем совершается любви с нами /.../: зане якоже Он есть, и мы есмы в мире сем* (1Ин.4:17). Иначе говоря, любовь потому достигает в христианах совершенства, что каков есть Христос, таковы и они есть в этом мире.

Итак, устанавливая запрет, Бог не искушает и не вводит тварь в искушение. Он показывает ей единственный путь к обожению и уразумению добра и зла. Высаживая посреди рая запретное древо, и посреди земли – Крест, Бог хочет не искушить, но указать твари единственный путь к Себе, который она вольна принять или отринуть.

Корочун значит Рождественский пост

Бог не искушает, Бог спасает. Почему же спасаемые гибнут? Почему поданный Богом спасательный круг становится для иных жерновом оселским? С последними происходит, по слову Апостола, следующее: *каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью* (Иак.1:14). Апостол решительно отвергает мысль о Боге как виновнике искушений и вовсе не упоминает о диаволе как необходимой их принадлежности, но говорит, что каждый искушается собственной похотью.

Откуда возникает похоть? Из свободы, данной твари от Бога. Что же творит диавол, если человек искушается от собственной свободы больше, чем от него? Помогает совершаться самоволию. Но даже с учётом диавольской помощи, подаваемой человеку в искушении свободой, вся вина за совершённый человеком грех ложится только на него одного. Почему? Потому что, чтобы перейти от Бога на сторону диавола и согрешить, человеку нужно самостоятельно, без всякой посторонней помощи преодолеть свою благую природу, носящую на себе отпечаток Божий. Иными словами, хотя и повреждена человеческая природа грехом и склонна к падению, но стереть на себе отпечаток Божией руки, называемый образом и подобием Божиим, человек может только собственной рукою.

Вот как об этом пишет В.Н.Лосский: «...человек, по природе расположенный к познанию Бога и любви к Нему, выбрал зло потому, что оно было ему подсказано: в этом – вся роль змия. Зло в человеке, а через человека и в земном космосе, представляется, таким образом, связанным с заражением, в котором нет, однако, ничего автоматического: оно могло

распространяться только с свободного согласия человеческой воли. Человек согласился на это господство над собой».

Если зло началось с свободного согласия человека, следовательно, и остановиться оно может после свободного отказа содействовать злу. И ни один бес, ни даже сам сатана не сможет заставить человека злодействовать, если последний не захочет этого делать. (*) Однако зло не только не останавливается, но всё более распространяется в мире, приближая кончину мира и смерть человечества.

(*) «Я молил Бога, чтобы Он показал мне ополчение, окружающее и защищающее монаха, и увидел монаха, окруженного светильниками; множество Ангелов с обнажёнными мечами в руках охраняли его как зеницу ока, и вот – голос с неба, говорящий: «Не допустите ему покоя, пока праведный живёт в этом мире». Увидев такое ополчение, отовсюду объёмлющее монаха, я вздохнул и сказал сам себе: «О Антоний! всё это дано монаху, и при всём этом превозмогает его диавол: монах нередко падает». И пришёл ко мне глас от милосердного Господа: «Диавол никого не может ниспровергнуть, такой власти он не имеет: потому что Я пришёл, восприняв на Себя человечество, и стер в прах могущество его; но человек сам своим похотением и сладострастием сокрушает себя и падает». Отечник. Авва Антоний Великий. 5. Читая эти слова аввы Антония, хочется отметить чудное попечение Божие о праведниках, а именно, что, хотя и окружён монах-праведник множеством защищающих его Ангелов, но покоя он не должен иметь, пока живёт в этом мире. Таково Божие повеление. Что ж, *судьбы Твоя бездна многа: человеки и скоты спасеши, Господи* (Пс.35:7).

Передовая линия борьбы диавола с Богом проходит по людским душам. Всё население земного шара, даже не зная о том, является, на самом деле, семимиллиардной армией бойцов, сражающихся единым фронтом против общего врага. Диавола? И против него тоже, но прежде – против собственной похоти. Зло стало «распространяться только с свободного согласия человеческой воли. Человек согласился на это господство над собой», - повторим мы слова В.Н.Лосского, и добавим к ним причину такого согласия: самолюбие. Возлюбив самого себя более, чем Бога, человек согласился на господство зла над собой. Самолюбие – вот причина этого согласия. Оно же основание зла. Оно же начало смерти.

Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы (2Тим.3:1-4). Всматриваясь в людей последних дней, Апостол Павел характеризует их двумя десятками отрицательных черт, и первая из них – самолюбие. Кто же в том виноват? Мне думается, что люди во все времена были такими, как их описал Апостол. Просто старость это слабость, и те скверные качества, которые человек старался сдерживать в себе в течение жизни, в немощной старости проявляются с удесятёрённой силой. На закате жизни человеческого рода откроются все его худшие свойства.

Но мы опять увлеклись, и вовсе не вопрос о том: кто виноват, нас сейчас интересует. Нас интересует, почему то, что посылается Богом для всеобщей вечной жизни, оборачивается смертью для некоторых? Почему свобода, данная твари для спасения, оказывается причиной

похоти, служащей ей в погибель? Да всё потому, что редкий человек, которому на выбор будут предложены запрет и свобода, перечеркнёт крестом свою свободу, а по сути, свою душу, чтобы исполнить запрет.

И мы вновь приходим ко Кресту. *Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, - сила Божия* (1Кор.1:18). Слово крестное становится для одних безумием, а для других – спасительной силой Божией. Вот и весь ответ о спасении и о погибели. Он – в Кресте. *И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его, потому что низвержен клеветник братьев наших, клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь. Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили души своей даже до смерти* (Откр.12:10,11).

Клевета тогда только имеет силу, когда её оспаривают в судебном порядке. А когда говорят: «не было никакой клеветы, и нет», тогда и суда, как говорится, нет. Когда верующие во Христа живут по слову Его: *А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф.5:44), тогда всякая клевета становится бессильна, а клеветник оказывается низвержен вон. Но как даётся такая победа над клеветником? И что значит «не возлюбить своей души даже до смерти»?

Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть (Мф.11:30). Почему вдруг неподъёмная тяжесть креста становится небесной лёгкостью, и мука крестоношения – отрадным покоем души? Почему поядающий (*) огонь Божий Любви отраден для послушников и мучителен для преслушников. Причём, согласно Апостольским словам, Богом, *в пламенеющем огне совершающим отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа* (2Фес.1:8), одинаково наказываются как не познавшие Бога, так и не покоряющиеся Евангелию. Но почему мы опять слышим об отмщении, если известно, что *Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну* (Ин.5:22)? Почему опять говорится о наказании, если мы только что говорили, что в состоянии любви запрет не запрет, но свобода, и наказание не наказание, но радость? И в начале 11-ой главы мы о том же рассуждали, говоря о самомучениках, самопалачах и самонаказании паразитов, которое в них самих.

Бог не судит никого, *Бог наш, огонь поядай есть* (Евр.12:29). И всепоядающий огонь Божией Любви мы сами для себя делаем либо очистительным и спасительным, либо мучительным и губительным. От кого же это зависит? От нас, и более ни от кого. От того, обратились ли мы к Богу, чтобы с верою и любовью принять *огненного искушения, для испытания вам посылаемого* (1Пет.4:12)? Или же, любя себя паче, нежели Бога, уклонились *от огненного искушения /.../, как приключения для вас странного* (1Пет.4:12)?

Бог не искушает, Бог спасает. Но обжигающий и мучающий одних, огонь Божией любви согревает и утешает других. Точно так, как крест для спасаемых становится вечной славою, так для погибающих он оказывается безумием или соблазном. Что для русского хорошо, то для немца карачун. (**)

(*) Любопытно, что в русском переводе Евр.12:29 оставлено слово «поядающий», хотя по правилам должно быть «поедающий».

(**) Карачун – капут, конец, смерть, гибель; солнцеворот, Спиридонов-день. Словарь В.И.Даля. Протоиерей Г.Дьяченко толкует это слово по-церковному, говоря, что «кращун (корочун) значит Рождественский пост».